
Виктор КОСТЕЦКИЙ

ПО СУСЕКАМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

...Самые сокровенные подробности явлений как раз и заключают в себе их конечный смысл...

Ф. де Соссюр

Как известно, римляне изобрели дорогу. В этимологическом словаре М.Фасмера среди других есть такое пояснение дороги: «продранное в лесу пространство». Неплохо, по-русски. У римлян было иначе: это не просто путь из точки А в точку В, а три элемента: мощение, выпуклый профиль и канавы для стока воды. Выпуклый профиль обязателен, иначе вода будет лужами застаиваться на пути. И это логично. Но кто видел бабушкины сундуки в русских деревнях, помнит, что крышка сундуков тоже имеет «выпуклый профиль», несмотря на то, что по сундукам не ездили; на них обычно спали, подстелив тулупчик. Спали с опаской скатиться на пол. Кованый сундук с ручками по бокам долгое время был единственным предметом «мебели», не считая грубо сколоченных стола, лавок и полок. Выпуклый профиль сундука в русских избах — это та «примета из прошлого», которая позволяет правильно определять это самое «прошлое».

Другой важной «уликой» является неказистый тип деревенского дома. В детские годы мне приходилось проводить лето за тысячи километров от родителей в глухой сибирской деревне. Вокруг стояли сосново-кедровые леса, но деревни на всем тысячеверстном пути были с одинаково маленькими домиками: одноэтажными, с двухскатными крышами без всяких мансард, с тремя окнами на улицу, сенями и надворными постройками «на скорую руку». Мой детский ум мучился вопросом: почему люди не строят сами себе большие терема, когда вокруг столько леса? Один мужчина в семье — маленький дом, и четыре мужика в семье — такой же маленький домик. Можно проехать всю Россию с Крайнего Севера до Черного моря, все деревни будут одинаковыми: одноэтажные домики с тремя окнами на улицу и сикось-накось плетеными изгородями с тыловой части дома под огород или скотину. Люди разные, времена разные, а домики одинаковые. Этот факт не объяснить «здравым смыслом», поскольку для его реального понимания необходимо будет уйти в глубь истории на тысячи лет и в неизвестном направлении. Это не фотоэффект объяснить догадкой о «квантах».

К сожалению, вопрос «о судьбе России» возник вне всякого отношения к исторической культуре России: точкой отсчета служила соседняя «Европа». С «философических писем» П. Я. Чаадаева начались неугомонные споры «западников» и «славянофилов» о том, почему Россия не совсем такая, как Европа. В условной Европе западники видели совершенную цивилизацию, от которой Россия отстала на триста лет из-за татарского

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.

нашествия и которую надо догонять по примеру Петра I. Славянофилы видели в дворянском усадебном быте «особый путь» России, особую «благодать» в противоположность «законничеству» западных соседей.

Под благодатью особого пути России представлялся большой барский дом среди собственных лесов, полей, озер и рек: с колоннами, залами, домовою церковью. Детишки воспитываются французскими гувернерами, потом поступают в столичный университет и стажироваться за границей. Вся барская семья иногда выезжает в Европу, по дороге заезжая в столицу, где имеется собственный особняк. В Европе русские пересекаются между собой «на водах» и «приемах», радуясь неожиданным встречам и обмениваясь новостями. Финансовых проблем не существует благодаря владению землей и крепостными «душами». Крепостные живут своими крохотными «дворами», выплачивая барам налоги и исполняя ремесленные заказы барских управляющих. Помещики живут интересами столицы и Европы, а крестьяне «миром»: женятся, рожают, ждут праздника, благодарят барина за воскресную милостыню. Одинаково усадебная жизнь простирается на бескрайних территориях, создавая ощущение безопасности и комфорта. Многочисленность населения позволяет иметь большую армию, вызывая уважение Европы и пугая собственный трудящийся люд. В жизни, таким образом, есть место армии, подвигу и отдыху. Европейски образованная молодежь служит в столице, а на покой отправляется в усадебные имения, где проводит старость в гостях, пирах и утехах. Крестьяне радуются тому, что хоть у кого-то есть такая счастливая жизнь, болеют за своего барина и готовы отдать за него свою маленькую жизнь.

Западники в славянофильском идеале усадебного быта видели негативы: похотливость юнцов и старых крепостников, воровство управляющих, озлобленность и мстительность крестьян, пренебрежение технологиями. А славянофилы ругали Европу за отсутствие «широты души» и предпочитали пользоваться Европой, но не быть ею. В итоге философствующие публицисты и литераторы проспорили, по выражению А. И. Герцена, всю свою жизнь, нимало не поняв России. После пятидесятилетнего обсуждения «судьбы России» возник термин «русская идея» с подачи литературных соображений Ф. М. Достоевского, и дебаты еще на столетие перекочевали в русло поиска «русской идеи». Идею искали в объединении всего европейского славянства с изгнанием турок из Константинополя, в примирении православия и католичества, в мировой революции и коммунизме, в особом даре к многовекторной цивилизации, в спасении Европы от «бездущности», но идея не спешила являться страждущей русской мысли. Даже своей «русской философии» не получилось создать по типу «классической немецкой философии». Как иронизировал В. С. Соловьев, что в русской философии философия то нерусское, а что русское, то на философию не похоже и вообще ни на что не похоже. В итоге бессодержательных потуг в понимании судьбы России возникло знаменитое признание Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять...», в котором вдруг причудилась особая гордость.

Конечно, «не понять», если искать не там, не в том времени, не на тех пространствах и не ставить никаких вопросов. А вопросы возникают вполне определенные: что значит быть русским? какова реальная религиозность русского народа? в чем специфика русской государственности? является ли, например, Петербург русским городом?

Казалось бы, все проще простого. Петербург находится в границах России, значит, русский. Если Россия не монархия, значит, демократия; если федерация, значит, самоуправление регионов. «Святая Русь» значит православная, пусть даже вкупе со «свободой совести». Ответ на вопрос о том, кто в России русский, тоже ясен: не кавказец, не татарин, не еврей, не цыган... можно долго перечислять. Правда, потом придется исправляться: есть русские немцы, русские поляки, русские евреи, русские татары, русские казахи, русские армяне, русские грузины и далее по списку.

Человека в России признать русским по одним антропологическим признакам не удастся по объективным причинам. И скулы разные, и формы черепа, и пропорции тела, и тип волос, и разрез глаз, и цвет кожи. Русский язык тоже различается по диалектам, да и во времени язык изменяется значительно каждые триста лет — можно русских по диалектам растащить в стороны.

Что касается реальной религиозности русского народа, то свести вопрос к христианству не получится. Христиане, по определению, это последователи именно Христа: не Адама, не Авраама, не Иоанна Крестителя. Но в русском народном сознании образ Богородицы и святых народу ближе собственно Христа, и даже «дух святой» понятнее всех текстов новозаветного вероучения. Русские православные — последователи скорее Николая Угодника, Богородицы, Троицы, чем самого «Вседержителя». Получается ересь какая-то. Языческие домовые, приметы, знамения, гадания никуда не исчезли. Мистические настроения вполне уживаются с атеизмом: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» — этими словами «Манифест коммунистической партии» обращался с призывом к безбожным революционерам всех стран, но русские поверили более остальных.

Русская государственность поражает размерами территории при полном параллелизме народа и государства. Народ безразличен к формам правления, к территориальному устройству, к самоуправлению; сочувствует анархии, но почему-то с готовностью охраняет свои «границы». А генералиссимус А. В. Суворов говорил, что политика в России «тухлое яйцо».

Санкт-Петербург, объявленный Петром Великим новой столицей России, с самого своего возникновения расколол общественное мнение на две непримиримые половины. Для одних город святого Петра есть «окно в Европу», для других это антихристово изобретение, направленное против православия и народа. Насколько глубоко проблемность Петербурга искажала мировоззрение русского человека, могут свидетельствовать литературные пассажи Ф. М. Достоевского. В «Маленьких картинках», произведении зрелого писателя, есть откровения самого автора: «Да и вообще архитектура всего Петербурга... всегда поражала меня, — именно тем, что выражает всю его бесхарактерность и безликость за все время существования. Характерного в положительном смысле, своего собственного, в нем разве только вот эти деревянные, гнилые домишки... Что же касается до палацов, то в них-то именно и отражается вся бесхарактерность идеи, вся отрицательность сущности петербургского периода, с самого начала его до конца» [5, с. 321]. В конце «Маленьких картинок» Федор Михайлович добавляет мрачной лирики: «Оттого и берет хандра по воскресеньям, в каникулы, на пыльных и угрюмых петербургских улицах. Что, не приходило вам в голову, что в Петербурге угрюмые улицы? Мне кажется, это самый угрюмый город, какой только может быть на свете!» [5, с. 327]. Достоевский не скрывал того, что идеологически ненавидит Петербург настолько, что даже шедевры зодчества ему противны, впрочем, как и русские характерные «гнилые домишки».

Понимание Петербурга есть пробный камень для понимания России. Да, по российским меркам это странный город. Расположен на островах, нет крепостных стен, фасады дворцов сливаются между собой, много плацов и казарм, доминируют морской порт и причалы; набережные в чугуне и граните, в архитектуре масса типичных для Европы элементов. Уездные города России не такие, но и Москва не такая, хотя каменной стала не без участия иностранных архитекторов. С другой стороны, Петербург не собственно европейский город подобно прибалтийским столицам, как отмечает Д. С. Лихачев. Исследователь древнерусских памятников культуры пишет: «...многочисленные итальянские архитекторы, работавшие в Петербурге, не приблизили Петербург к типу итальянских городов. Приглядимся внимательнее — и мы увидим, что Пе-

Петербург вообще не принадлежит к типично европейским городам. Европейские города — это Таллин, Вильнюс, Рига, Львов, но не Петербург. Тем более, он не восточный город. Петербург — русский» [5, с. 18]. Возникает парадокс: Петербург и не западный город, и не российский, и не восточный, а исконно русский. С какой точки зрения? С точки зрения не зримой российской географии, а с точки зрения истории «русско-го духа», которого вовсе может не быть ни в русском государстве, ни в русском народе. Петербург — русский город не по резным наличникам и золоченым куполам, а, скорее, по меди музыкальных инструментов и стали морских кортиков. Но откуда они в русском лесном духе?

«Умом Россию не понять» по той причине, что в истории России три разных истории: История государства, История этноса, История культуры, — которые не только не образуют единства, но вообще не пересекаются между собой. Так, истории государства российского, начиная с Рюрика, с десятков веков. Этнической истории населения много больше: двадцать-тридцать веков, если начинать с индоевропейских миграций и разного рода «великих переселений народов». Культура, заимствованная русским этносом, по своим архетипам уходит вглубь на тысячелетия, к цивилизациям шумерского или, возможно, дошумерского времени. Русская культура не русским государством и не российским населением создана: она заимствована в процессе миграции арийских племен от общества знати ушедших цивилизаций и лишь «отредактирована» группой славянских племен под определенный кодекс запретов.

Термин «культура» в культурологии и «науках о духе» насчитывает сотни определений, и ни одного в связи с феноменом запрета, табу. Даже по документам ЮНЕСКО культура определяется через набор мифов, символов, традиций, ценностей без всякого обращения к запретам. Между тем в реальном генезисе культуры запрет предшествует позитиву и инициирует его. Например, в древнейшей оппозиции «сырое-вареное» запрет на сырое инициировал не только тепловую обработку продуктов питания, но и такие формы, как вяление или соление. Сексуальные запреты меняли не только формы социальной организации, но и сублимировались в такие собственно человеческие психофизиологические реакции, как смех и рыдания (формы оргазма посредством конвульсивных сокращений мышц диафрагмы от «взрыва эмоций»).

Индоевропейские миграции арийских племен двадцать-тридцать веков тому назад сопровождались целой системой табу. Миграция имела векторный характер, от чего-то к чему-то, а именно: прочь от деспотических цивилизаций «Востока» (это Древняя Индия, Древний Египет и другие) навстречу освоению свободных ландшафтов Европы. Опыт миграционных потоков, продолжавшихся столетиями, говорил о том, что от городских цивилизаций физически уехать можно, но цивилизация в ее деспотической наглости все равно будет воспроизводиться на новом месте, если не предпринять особых мер. На эту тему есть знаменитая вьетнамская сказка «Убить дракона», в которой дракон живет на злате: всякий, убивший дракона, превращается в дракона — едва ласково взглянет на драгоценный металл. Впрочем, есть и русская шутка: девушка может уехать из деревни, но деревня из девушки никогда. Индоарии покидали цивилизацию с чувством глубокой ненависти: за деспотизм и произвол власти, за налоги и письменность, за рыночность и ростовщичество, за суды и тюрьмы, за замкнутость городского пространства и отсутствие свободной земли, за карьеризм и коррупцию, за отсутствие достоинства и наглость характеров.

Все древние цивилизации начинались как приключение, а заканчивались утратой свободы, достоинства и наступлением эры всеобщей наглости. Как писал А. Н. Радищев в оде «Вольность»: «О вольность, вольность... но корень благ твой истощится, свобода в наглость превратится...» Чтобы избежать этой участи на новых землях, арийские племена выработали собственные неписанные правила-табу, неизвестные профес-

сиональным историкам по причине отсутствия «текстов». Но табу не записываются и не произносятся всуе, они исполняются. Траектории их исполнения позволяют теоретически воспроизводить систему табу, именно теоретически. Как шутил Платон, чтобы увидеть лошадь, надо иметь глаза, а чтобы увидеть «лошадность», надо иметь ум. Стратегическое понимание «лошадности» Александром Македонским, например, настолько изменило судьбу древнего мира, что даже имя его коня вошло в историю. Индоевропейские миграции ариев, кстати непосредственно связанные с «культурой лошади», как говорят археологи, имели свою стратегию, predetermined набором простых табу.

Во-первых, ради свободы не надо долго жить на одном месте: оседлость сама по себе может привести к цивилизации в разных формах деспотизма. Поселение должно быть временным; жить можно странничеством и даже на колесах: лошадь, телега, кибитка, лагерь — и не одни цыгане тому пример.

Во-вторых, если оседлость оказалась неизбежной, то не надо иметь такой дом, который жалко бросить в момент опасности. Поэтому не надо иметь своего каменного дома, тем более в двух и более этажах. Лучше иметь несколько лошадей.

В-третьих, не надо жить там, где приходится трудиться «круглый год» для того, чтобы просто выжить. Поэтому для жизни надо выбирать либо теплый и влажный климат, либо ландшафт с сезонным характером труда и верным помощником в виде лошади.

В-четвертых, не надо иметь харизматичного лидера. Поэтому должна быть сменяемость правления и методы изничтожения харизмы, например, шутками или игрой.

В-пятых, не надо иметь в своем поселении особой группы вооруженных людей, тем более сконцентрированной вокруг лидера. Поэтому оружие должно быть в каждой семье: пусть даже это будут топоры и вилы.

Миграционные потоки ариев, которые не соблюдали этого «миграционного законодательства», обязательно создавали дочерние цивилизации той цивилизации, от которой бежали. Наиболее известным примером может служить крито-микенская цивилизация — обычный тип дворцовых культур Древнего Востока.

В первом тысячелетии до нашей эры Европа была уже полностью заселена арийскими племенами с устоявшимися обычаями, различающимися по сохранившимся формам табуирования. Кельтские и германские племена перешли на деревенский образ жизни, но в каждой семье кто-то из мужчин упражнялся исключительно в военном деле. Племена, заселившие Балканы и Апеннины, занялись возведением на скалистых холмах семейных каменных двухэтажных домов с организацией в них производства товаров на продажу. Как следствие, лошадь потеряла свое харизматичное значение; харизмой стали рынок и денежное обращение. Чтобы не пойти по пути деспотий Древнего Востока, жители полиса постоянно что-то табуировали. В Спарте табуировали деньги, комфорт и хозяйственный труд. В Афинах табуировали богатую пищу, дорогую посуду, украшенный интерьер; воспитывали презрение к роскоши. В Риме регулярно издавались «законы против роскоши».

Гражданам античной цивилизации было очевидно, что без табуирования поведения людей удержать демократии и республики от скатывания к деспотии невозможно. Табу со временем обрели форму «номоса» (закона) и «этоса» (нрава), которые носили очень конкретный характер. Например, во время политической смуты никто не имел права не занимать позиции какой-либо партии, равно как недостойным считалось непосещение общегородского театра. Несмотря на все усилия, Рим из республики все равно превратился в «империю». Любопытно, что слово «империя» производно от «императора», а не наоборот. Представитель власти становился «повелителем», и все население обращалось в «подданных». Нет республики, нет и «цивитас», граждан — разве что «на бумаге».

Афины и Рим, нарушив запрет на строительство собственного каменного дома, произвели тем самым цивилизацию, которая оказалась уникальной благодаря хорошо осознанному отношению ненависти к деспотии, предпосланной Востоком. Деспотизм и его моральный эквивалент — наглость — возникли не вдруг, они выпестованы цивилизациями Востока. Вся культура полиса и республики держалась не на любви к свободе, а на ненависти к деспотии. Ненависть к деспотии, табуируя наглые проявления характеров и уклада жизни, инициировала новую музыку — но не какую угодно; инициировала театр — не какой угодно; инициировала власть — не какую угодно, инициировала религиозную жизнь — не какую угодно, инициировала школу — не какую угодно, инициировала физическую культуру — не какую угодно. Конечно, современный «потребитель» не сразу может понять, например, как ненависть может инициировать музыку, хотя для понимания достаточно обратиться к феномену рок-музыки. Вся культура западного типа цивилизации сформировалась в качестве «светофора» — давая путь одним страстям и запрещая другие. Запреты торили дорогу к свободе. Так, например, считалось, что бедным быть постыдно, а жадным позорно — для эллина. В результате под запрет попадали и бедность, и жадность, а результирующая выводила на культуру в области образования и политики. Например, за растрату наследства полагалось заключение под стражу: то есть умножать и сохранять наследство можно, а растрачивать нельзя, табу.

Предки славянских племен точно так же отличались ненавистью к деспотиям Востока, как эллины и римляне, кельты и германцы, но сумели полностью удержать табуирование цивилизации при переходе к деревенскому образу жизни. Они не строили каменных домов, не разрешали родственникам превращаться в воинов, селились там, где «один день год кормит», не терпели «царьков» ни в семье, ни в своей деревне. В XIX веке Ф. Энгельс искренне полагал, что родовой строй, в частности германцев, предшествует цивилизации. На самом деле родовой строй и германцев, и славян возник после миграции ариев из цивилизаций Древнего Востока при установлении деревенского образа жизни на малозаселенных территориях Европы и соблюдении определенных табу. К сожалению, основатели марксизма о цивилизациях Древнего Востока и о «первобытной культуре» долгое время ничего не знали, но и знать не хотели: «азиатский способ производства» и «баранье сознание» аборигенов, по их выражению, не представляют-де интереса для понимания сути капитализма.

Изначально предки славян предпочитали степные и лесостепные ландшафты по обе стороны Северного Причерноморья, однако со временем заняли территории много севернее с максимально густыми лесами и заболоченными территориями — как раз ради соблюдения табу на цивилизацию. По мере роста воинственности германских племен славяне нашли особый способ самообороны — переход в лесную зону с устройством «засек». Засеки представляли собой поваленные крест-накрест деревья, которые широкой полосой преграждали коннице германцев и пехотинцам Рима любые передвижения. Границу, таким образом, сторожил лес с небольшими «дозорами».

Народы древнего мира долгое время избегали лесного ландшафта, предпочитая степь и саванны; по этой причине лесистая и холодная Европа была малозаселенной. Для славян лес, по сути, стал государством со своим уставом. Лес охранял, лес требовал четкого исполнения сезонных работ (грибы, ягоды, охота, рыбалка, сенокос, бортничество); лес воспитывал и образовывал. Например, благодаря ландшафту в славянской культуре не было абстрактного понятия «время» — были понятия «срок», «черед», «пора». В. Даль приводил поговорку: «Дураку что ни время, то и пора». Хронологическая триада «срок-черед-пора» вместо понятия «время», появившегося только после изобретения механических часов с циферблатом, вводила мировосприятие в сторону конструктивной технологичности мышления.

В славянских лесных поселениях, защищенных «засеками», все хозяйственные постройки имели принципиально «временный характер»: их не жалко было бросить в случае прорыва засек любым неприятелем. «Гнилые домишки», по выражению Ф. М. Достоевского, бросали, унося с собой только сундуки, в которых были топор, пила, игла, ткани и запас теплых вещей. На случай сырой погоды крышки сундуков имели выпуклый профиль. На новом месте возводили из подручного леса небольшие избы из расчета два дома за одно лето двумя мужиками. Дома и стояли чаще всего напротив друг друга, давая начало улице (улица — два ряда домов лицом друг к другу).

В культурном генезисе славянства лесу принадлежит выдающаяся роль. Лес выступал не только заступником людей и воспитателем конструктивного склада ума, но и условием правильно организованного досуга при сезонном характере труда. Сезонный характер труда в лесном ландшафте обусловил образ жизни по принципу битва-пир, характерный для военной дружины. При сезонных работах действительно «один день год кормит». Июньский сенокос мало чем отличается от битвы; все работы авральны, от зари до зари. Жара, гнус, пот, тяжелый физический труд — надо успевать, пока стоит погода. Вся деревня месяц пребывает в атаке сенокоса или полевых работ. Люди, кони, косы, вилы. А между сезонными работами благодать: гости и застолье; пир с медовухой, игрищами, весельем. Исследователь рыцарского менталитета Франко Кардини отмечал, что пир отличается от любого застолья тем, что у всех присутствующих картины прошедшей битвы стоят перед глазами; именно яркие моменты боя порождают эпическое красноречие пирующих. Точно так же в славянских застольях трудовой энтузиазм сезонных работ порождал в периоды застолья разговоры о случившихся «приключениях»: смешных и трагичных, удалых и нелепых.

Особо следует обратить внимание на «культуру винопития». В лесном ландшафте Европы ни винограду, ни злакам особого места не было; соответственно, не варили пиво и не готовили вино. За счет бортничества изготавливали медовуху: слабоалкогольный напиток, который употреблялся при гостехождении. Пить полагалось много, ковшами, но с одним ограничением: после испитого нельзя покоиться. Исполнение этого табу было реализовано в форме так называемых «игрищ», которые особо впоследствии запрещались церковью — во вред здоровью, но в угоду тихой «духовности». Игрищами были катания на саях ватагой, качания на качелях в подпитии, битвы «стенка на стенку» забавы ради, прыганья через огонь и множество плясок с акцентом на физическую удаль. Простое правило: чем больше пьешь, тем больше двигаешься, — приводило метаболизм к здоровой норме. Тяжелый труд, но на свежем воздухе и «на себя», долгий досуг между сезонными работами в форме праздничного застолья и игрищ — все это за столетия лесной жизни сформировало из славян здоровый этнос с рослыми и гармонично развитыми мужчинами и женщинами. Естественно, что при таких условиях славянское население быстро росло и расселялось по «медвежьим углам» лесной Европы.

Славянская культура носила «мирный» характер довольно условно. А именно: славяне избегали войны за счет внезапного для неприятеля перехода на другую территорию. Вызов на битву могли принять, но за ночь оставить свои домишки и оказаться в недостижимых урочищах. При этом еще и веселиться. Славяне договаривались воевать в ответ на вызов германцев, но срывали договор и скрывались от войны в бескрайних лесах и болотах. В мирное время ритм и темп жизни был по типу военной дружины: битва и пир. Славянство не было «крестьянским». Во времена авральной «битвы» забывали про пир, а на пиру забывали про труд. Фактически в славянстве практиковались измененные формы сознания, характерные для воинских культур: эпический энтузиазм сменялся лирическим вдохновением. Промежуточное состояние сознания

принимало форму «лени»; лень тоже измененное состояние сознания, причем в некотором роде космическое, надбытийное.

«Лень» представляет собой редкостный тип измененного состояния сознания, который был осознан только в восточных типах «медитации» и в христианском «исихазме». От семи древнегреческих мудрецов идет совет: «Покоем пользуйся». Но при «нормальном состоянии сознания» достичь настоящего покоя — исихии — трудно: отвлекают забота и ответственность за текущие дела или, напротив, легкомысленные позывы. Измененное состояние сознания под условным названием «лень» необходимо для выстраивания таких этноландшафтных отношений, при которых появляется синергия этноса и ландшафта в соответствии с пословицей «По щучьему велению, моему хотению» или «В своем доме стены помогают», «Утро вечера мудренее». А. Шопенгауэр подобную практику называл «пассивным субъектом познания»: идеи сами приходят к энтузиастам. В позднем средневековье синергия людей и обстоятельств практиковалась в протестантизме под видом «удачи» и «успеха». На Руси в той же роли всегда был старый «авось».

Славянская религиозность формировалась на основе синергии этноландшафтных отношений. Смысл этой синергии, то есть содействия или, по-латыни, кооперации, в том, что ландшафту не безразличен тот народ, который его населяет. Ландшафт не является только географической поверхностью, но представляет собой некий субъект со своей биосферой, климатом, этносферой и ноосферой. Сообщество людей, населяющих ландшафт, тоже образует субъект — «коллективную личность», который и называется «народом». Народ — это не множество людей, определяемое переписью населения, а один-единственный субъект, образовавшийся однажды в определенном ландшафте. Отношения между субъект-ландшафтом и субъект-народом довольно иррациональны, поскольку основаны на симпатии и синергии. Как, например, можно любить пустыню? Но арабы любят. Как можно любить голую степь? Но казахи любят ее. Как можно любить тундру? Но оленеводы любят ее. Как можно любить морозные зимы? Но сибиряки любят. В ответ на благодарственную любовь ландшафт проявляет свои охранные функции: нужными колебаниями погоды; востребованными миграциями рыб, птиц, зверей. Например, при развилке реки косяк рыб стоит перед выбором: свернуть влево или вправо — косяку все равно; людям не все равно. Ландшафт выводит косяк рыбы из «точки бифуркации» в зависимости от этнического «чувства родины» либо к желанным людям, либо прочь от нежеланного народца. Субъектность ландшафта в сознании народа предстает в форме мифологии: «духи местности», «нечистая сила». Народная религия возникает как дипломатия с трансцендентальной субъектностью ландшафта: с благодарением за удачу и со страхом потерять удачу. Славянам было что терять. Религия — это не «вера в сверхъестественное», а знание трансцендентальных возможностей «ландшафта» и реальная дипломатия субъекта-народа с субъектом-ландшафтом. Не об этом ли задумывались писатель Д. Андреев в своей «Розе мира» и биолог В. И. Вернадский, продвигавший идею «ноосферы»? Не с этим ли обстоятельством в современной немецкой историографии появляется концепт «генерала Мороза»? А в античные времена Цицерон отнюдь не ради красного словца громогласно заявлял о том, что процветание Рима держится на верности друг другу римского народа и римских богов, начиная с «родных пенатов».

Любая народная культура образуется из двух составляющих: во-первых, субъектных отношений этноса и ландшафта, закрепленных в традиционных формах быта и промысла, и, во-вторых, элементов дворцового образа жизни, заимствованных от общества знати предшествующих цивилизаций. Все остальное: мифы, символы, обряды, традиции, культы — существует «потом».

В обществе знати всегда есть военно-рыцарская составляющая. С началом цивилизации рыцарство возникает закономерно. Это связано с тем обстоятельством, что строительные работы цивилизации всегда принимают характер гигантомании, при которой у части свободного мужского населения появляется состояние безумной скуки. Когда скука начинает грозить реальным безумием, группа молодых людей отправляется на поиски опасных приключений. В поисках приключений есть много характерных элементов: покинуть дом, сменить ландшафт, «мигрировать», рисковать жизнью, обживать новые территории на стоянках. В приключениях есть свой закон: чем больше рисков, тем больше собственно приключений. Естественно, что стычки военного характера выходят на первое место. С появлением практики добровольных поединков начинается история феномена под условным названием «рыцарство». Появляется «кодекс чести», который исходит из того, что честь дороже жизни со всеми ее, жизни, коннотациями: здоровья, долголетия, комфорта, семьи, счастья. Ради чести нельзя в поединке убивать в спину, нельзя убивать безоружного, слово надо держать, друга защищать, быть верным предводителю. Наличие чести проверяется в моменты смертельной опасности, которых сознательно ищут ради самопознания в себе «настоящего мужчины».

По мере развития цивилизации феномен рыцарства проходит три стадии. На первой стадии рыцарство имеет «варварский» характер: это военные вылазки и походные застолья с полным пренебрежением к своей телесности и гигиене. На этой стадии рыцари горделивы, но вонючи. На второй стадии облаченная в яркие доспехи дружина уходит в поход и по возвращении во дворец организовано пирует месяцами исключительно мужским сообществом. На третьей стадии, «куртуазной», после военного похода мужские пиры сменяются совместными трапезами мужчин и женщин: с сервировкой стола, костюмированием одежды, с обязательным флиртом и танцами, — в итоге развития куртуазности возникает «галантный век». По мере того как цивилизации смещаются к деспотии, от рыцарства остается только «этос»: представление о чести, о благородстве, о справедливости, о честности — так появляется в народе архетип «правды».

Все арийские племена, мигрирующие в Европу, не оставили без внимания элементы рыцарства, характерные для начального периода цивилизаций Востока, но потерявшие смысл в период деспотизма фараонов, раджей, шахов, ханов, султанов, каганов.

Германские племена заимствовали раннее рыцарство: жизнь ради военной славы, в поиске опасных приключений, при варварстве походной жизни. Кельтские племена, расселившиеся по всей Европе, включали в свою этническую культуру элементы дружинного рыцарства и создавали по всей Европе квазигосударственные образования. Эллада и Рим создали особую государственность на основе признания царского достоинства за каждым домовладельцем, в чьем доме осуществлялось товарное производство и содержалось оружие. Античный домовладелец был и рыцарем, и буржуа в одном лице. Причем то и другое надо было доказывать личным примером. Славянские племена, бежавшие в леса под натиском военной угрозы, «уходили в поход» вместе с женщинами, так что изначально обрекались по пришествии на новое место жительства на традиции галантного рыцарства в условиях совместного досуга при сезонном характере труда. Деревенский образ жизни сохранялся, но сквозь деревенский быт просвечивал аристократизм дворцовой жизни былых времен.

В любом так называемом «родо-племенном строе» культура насыщена элементами «общества знати» прошлых известных и неизвестных цивилизаций, которые сохраняются избирательно, чем и определяется «дух народа». «Дух народа» есть историческое понятие, а не метафора или мифология. Французский историк Фернан Бродель определял «дух народа» как «неподвижную историю». Дух народа формируется

исторически, но раз сформировавшись, сохраняется в веках неизменным. Есть «германский дух». Есть «еврейский дух». Есть «дух Чингисхана» у тюркских народов. Есть «русский дух». Не все народы имеют свой ярко выраженный «дух народа». Психология населения (социальной группы, отдельного индивида) может не совпадать с духом своего народа, может и совпадать с духом другого народа. Поэтому ничто не мешает, например, еврею быть русским поэтом или русским художником, а цыгану быть лучшим исполнителем русской песни. Точно так же во многих русских людях может не быть русского духа. Нередко в произведениях русских литераторов, художников, архитекторов, композиторов, режиссеров нет и следов русского духа. Наша средняя школа умудряется старуху Изергиль из одноименной повести представить не старой проституткой-убийцей, а страстной и волевой натурой, без колебания топящей в грязи русского паренька-конвоира ради каприза страсти и гордящейся еще тем, что жизнь прошла в «приключениях». Напротив, студент Родион Раскольников — в той же самой школьной программе — ни воли, ни страсти, ни ума не имеет: как говорится, «ни украсть, ни покараулить». Из киноверсии оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» изымается смысловой фрагмент, когда молодая женщина своими руками душит невинного ребенка — обязательный по замыслу Н. С. Лескова, — после чего героиню преподносят как силу русского женского характера, хотя Катерина Львовна ничем не отличается от старухи Изергиль в своей изуверской натуре. В российской школьной программе нет «русского духа» — и никогда не было, о чем печалился еще Л. Н. Толстой в своих педагогических сочинениях [10, с. 215–216].

Русская культура — это культура с «русским духом», а «русский дух» есть наследство «общества знати» очень древних цивилизаций, причем с упором на рыцарство «галантного века». Наличие галантной стадии рыцарства в истории русской культуры определяется просто — по специфическим признакам. Одним из наиболее убедительных признаков является феномен русской бани. Дело в том, что банные комплексы с неспешными ритуалами формируются исключительно в условиях «общества знати» на стадии появления феномена «роскоши». Роскошь не просто требует особых затрат, но и особых потребностей, связанных с социальной иерархией и практикой куртуазных отношений. В условиях раздельного общения мужчин и женщин роскошь не возникает. Сам феномен роскоши обязан своим происхождением социальному институту гарема, типичному для восточных цивилизаций. Именно в гареме зародились такие формы культуры, как музыка, сказка, танец и собственно «баня». Баня с ее громоздкой технической оснащенностью возникает на пике гаремной культуры и свидетельствует о том, что роскошь в обществе знати становится «предметом первой необходимости».

В процессе индоевропейских миграций населения феномен бани терялся едва ли не в первую очередь. Германцы и кельты утратили интерес к бане изначально. В античной цивилизации культура бани восстанавливалась по мере утраты демократии и усиления позиций роскоши. Почти во всех славянских племенах от бани осталось тоже немного: только обычай регулярно мыть все тело. И только в русской культуре баня не сводится к помывке тела в корыте или на заднем дворе, как это имело место на территории Украины и Белоруссии [6, с. 284], но требует особого строения и множества массажных процедур. Русская деревенская «банька» только выглядит чумазой: топится «по-черному», оконце крохотное, потолки низенькие, полки темные, — но, по сути, это отдельное капитальное строение. И столь же капитальны традиции «париться», не просто «мыться». По русским обычаям в баню шли не после исполнения грязных работ, а в «дни субботние» как на праздник; после обычных работ мылись у водоема. Феномен русской бани полностью структурирован по типу роскоши придворной жизни.

В русской культуре все ее ипостаси имеют «дворцовый характер» и происходят из «общества знати» исчезнувших цивилизаций. Гусли известны со времен царя Соломона, «балалайка заимствована с востока и происходит от тюркской домры» [6, с. 373], русская кухня изобилует деликатесами, русский народный костюм наряден и мало соответствует деревенскому образу жизни; обычаи гостепожения структурированы под «пир на весь мир». Духовность в русской культуре основана не на религии, а на «правде» — этом специфическом феномене исторической памяти народа, восходящего к понятию чести в рыцарской культуре ранних цивилизаций. Из архаичных феноменов «правды» и «честь» образовалось понятие «совести» — очень важное для формирования морали мировых религий. Не случайно в этике мировых религий рыцарских коннотаций более чем достаточно.

История русской государственности к русской культуре не имеет никакого отношения. Это совсем другая история, другая эпоха, другой «дух времени». Для понимания этого факта достаточно сравнить разные типы образования «государства».

Греко-римская цивилизация образует социальный институт государства посредством особого поселения людей. В особом поселении возникает особый тип дома. В древнегреческом языке жилой дом сохранял санскритское обозначение «домос», а жилой дом, совмещенный с мастерской, стал называться «экос». Экос — это такое строение, которое представляет для семьи своеобразный «замок», внутри которого есть личная «фабрика» с семейным предпринимательством. В греко-римской истории экос вытеснил домос, с чего и началась «западная цивилизация». Предприниматели, проживающие с семьей в «замке-фабрике», имели общие проблемы градоустройства, которые решались общим собранием. Собрание решало проблемы хозяйствования, судебных разборок, военные вопросы — оно и было «государством». Эффективность такого «самоуправления» впоследствии привела не только к авторитетности государственных решений, но и к самосознанию избранности своего пути развития, отличного от «варварства» деспотичных цивилизаций всего древнего мира.

Цивилизации Древнего Востока, которые скатились к деспотии, зачинались не с деспотии. Гигантомания каменных и земляных хозяйственных работ выталкивала из своей среды группу молодых мужчин, которые переходили к военно-приключенческому образу жизни, со временем образуя «военную дружину». Восточное деспотичное государство образовывалось не вокруг особого типа поселения-полиса, а вокруг *военной дружины*, которая начинала контролировать территорию с наличным населением. По мере захвата других территорий появлялся феномен роскоши, который оборачивался пренебрежением к любым формам демократии.

Государства раннесредневековой Европы возникали тоже вокруг *дружины*, контролирующей определенную территорию со своим населением. С этого начинался европейский «феодализм». Чем больше было воинов под началом предводителей дружины («герцогов»), тем больше была территория феодалов. При стремлении закрепить территорию феодала за определенной дружиной возникали договорные отношения между «герцогом» и населением, которые привели к возникновению государства германского типа. Смысл «общественного договора» был в том, что население «кормит» дружину, а дружина не пускает на «свою» территорию другие военные дружины, так же стремящиеся к «кормлению» за ее счет. В этом и состоял смысл «государства» в средневековой Европе. К концу первого тысячелетия нашей эры дружина стала закрепляться на земле, а символом европейской государственности стал рыцарский замок с упорядоченными вокруг него земельными отношениями. В рыцарском замке обязательно была пиршественная зала. Государственные вопросы решались главным образом на пиру; пир был и госсовещанием, и судом, и генеральным штабом, и министерством иностранных дел, и собственно хозяйствующим правительством.

Европейские демократии как тип государства стали возникать с XI века, с появлением на дальних углах феодалов *поселений* нелегального типа, упрятанных от чужих глаз насыпным валом — бургом. В результате оттока мастерового населения «за бург» возникли крохотные городки, в которых компактные дома в двух этажах примыкали фасадами плотно друг к другу. На втором этаже жила семья мастера, на первом была его мастерская; в мансарде ютился ученик-подмастерье. Внутри бурга между соседями возник рынок, причем настолько эффективный за счет семейного производства и отсутствия конкуренции, что товары пришлось развозить по всему феодалу и вывозить за его пределы. Жители бургов получили прозвище «бюргеры» («буржуа»), которые противопоставлялись прочему населению феодала. Естественно, что феодал пытался обложить самопальные городки данью, на что жители бургов отреагировали обращением к своим номинальным «королям», предлагая им деньги. Короли деньги брали охотно, выдавая «иммунитетную грамоту», дающую право городкам жить на территории феодала, но не платить налоги своим феодалам. Феодалы приходили в ярость, но король взятку от бюргеров тратил на наемную армию, и феодалы вынужденно подчинялись. А городки с иммунитетной грамотой стали называться «республиками» и зажили своей буржуазной жизнью под защитой подкупленного короля. Феодалы вынуждены были в целях посредничества между королем и бюргерами создать при короле свой совещательный орган — парламент. Жители республик, в свою очередь, потребовали тоже ввести их в парламент, после чего в Европе сложилась двухпалатная система законодательной власти. По мере роста финансового благосостояния городов-республик и, соответственно, финансирования королевской власти сеньориальная монархия превратилась в абсолютную монархию, сведя роль парламента к нулю. Сместив короля и разорив феодалов, бюргеры после серии буржуазных революций образовали свой тип государства с парламентом и опорой на армию, который получил условное название «западная демократия».

В Северной Европе процессы созидания «западной демократии» отсутствовали. После падения Римской империи инициатива цивилизационного развития перешла к германским племенам Центральной Европы. Образование феодалов, ведение феодальных войн, наконец, появление относительно устойчивого распределения территорий под водительством крупных военных дружин привели к тому, что ландшафты Европы стали приобретать благоустроенный вид: замки, поля, рощи, пасущийся скот; развивались торговые отношения с Востоком ради предметов роскоши. Но в стороне остались Скандинавия и север Европы. Нищета северного населения при наличии роскошных элементов жизни более южных соседей привела к феномену морского разбоя. Мера была вынужденной: Скандинавия жила натуральным хозяйством. Ради привлечения в семью денег возникла практика посылки в морской поход одного из сыновей. Отсутствие военной подготовки привело к особому способу изъятия денег у благополучных жителей Европы: ночью нападали на населенный пункт и зарубали топорами все население поголовно, причем с демонстративной жестокостью по отношению к младенцам и беременным женщинам. Из имущества ничего не брали. Через месяц являлись в соседние населенные пункты с предложением «добровольно» выплатить запрашиваемую сумму, чтобы не повторился кошмар месячной давности с их соседями. Триста лет Западная и Южная Европа вместе с Британией платила людям Севера «датские деньги», включая смелого короля Ричарда Львиное Сердце. Разбойный промысел получил название «викинг» [4, с. 124]; так и говорили: «ушел в викинг». Отпор викингам дали только мавры, обладавшие хорошим флотом и военной выучкой [1, с. 144].

Преступный промысел викинга был настолько успешным, что на европейском Севере стали возникать поселения пиратов по типу большого города: со своими мастерскими, верфями, металлургическим производством, питейными заведениями, гаре-

мами. Пираты группировались в союзы, устраивали между собой разборки и вынашивали общие планы. Фактически шло образование государственности по типу Древней Спарты: илотами должно было стать все население феодальной Европы.

Претензии пиратского квазигосударства в IX—XI веках простирались до Средиземноморья: в Сицилии возникла собственная база скандинавского пиратства. На территории будущих Дании и Норвегии столетиями шло формирование двух центров североевропейского пиратства. Причем в истории цивилизаций пиратство не следует принимать за случайный элемент; в пиратстве рыцарство и деспотия реинтегрируются в образ жизни со своей формой государственности. Претензии пиратской государственности всегда глобальны: они не ограничиваются удовлетворением насущных потребностей. Рыцарство требует славы за счет обложения данью как можно больших территорий, а деспотия требует демонстративной роскоши. За три столетия своего успешного существования североевропейское пиратство настолько окрепло, что оказалось способным к вынашиванию глобальных планов собственной цивилизации. Для этого надо было иметь собственное островное государство, с территории которого вся Европа была бы «как на ладони», в «шаговой доступности» пиратскому флоту. На эту роль более других подходили Британия — занятая под Англию — и в перспективе Сицилия. Система рек позволяла связать Северное и Балтийское моря с морями Средиземным, Черным и Каспийским. Атлантический океан на западе и Днепр с Волгой на востоке замыкали границы пиратских интересов.

Днепр представлял собой самую удобную транспортную артерию на восточном фланге северного пиратства. Окольным путем можно было попасть в Южную Европу, не испытывая сопротивления со стороны славянских племен. Славяне охотно вступали в отношения обмена с северными «путешественниками» — варягами. Помогали латать и перетаскивать суда, чинить оружие, обеспечивали продовольствием, радовались заморским товарам. Славяне избегали жить по берегам судоходных рек, но устраивали на них «гостища» и «погосты» — для гостей в значении «купец». Пиратская политика в отношении славян была мирной, поскольку грабить особенно было нечего, а дорога по славянским территориям дальняя. Из симбиоза североевропейского пиратства и славянства сложился особый тип государственного образования с названием Русь. Аналогичный симбиоз скандинавского пиратства и кельтского населения складывался в Ирландии, то есть это было довольно типичное для пиратства явление.

Русь была восточным тылом датско-скандинавского пиратства, причем славянство использовали «втемную». Само слово «викинг», означавшее вид позорного промысла с убийствами и грабежами, у славян приобрело значение доброго и смелого «гостя», купца-воина. У пиратов действительно были черты рыцарского поведения, близкие славянам: смелость, щедрость, веселость, — но это не мешало им в своем промысле быть профессиональными убийцами. Часть славянского населения реально втягивалась в викинг, поэтому «норманнская теория» происхождения государства российского оказалась в положении бесконечной полуправды. Суть вопроса не в том, германец ли Рюрик или славянин, а в том, что все первые «рюриковичи» были не феодалами Центральной Европы, а пиратами с долгой пиратской историей. Пираты хотели жить как феодалы, но феодалами быть не спешили.

В европейском феодализме была стойкая прививка от Римской империи: система управления, система дорог, система землепользования, писаное право, контрактная армия. В противоположность римским традициям, пиратская квазигосударственность держалась на ручном управлении и авторитете вождя; о контрактной армии не могло быть речи; в дорогах не было необходимости. Вместо дорог пиратство рассчитывает на водные артерии и прямо заинтересовано в том, чтобы при грабежах и поборах населения оно не могло быстро скрыться по хорошим дорогам в глубь несудоходной

территории. Симбиоз датско-скандинавского пиратства и славянства на территории Восточной Европы мало что изменил в пиратских обычаях: пираты оставались пиратами при как бы феодальном образе жизни.

На территориях «русской земли» симбиоз пиратства и славянства привел к возникновению шизоидных ситуаций. С одной стороны, славяне табуировали пиратство как таковое, как противное чести и «правде». С другой стороны, пираты не могли перестать быть пиратами. Из шизоидной ситуации был один компромиссный выход — посредством совместного принятия подходящей религии. В таком случае славяне отказались бы от «правды» («чести», «справедливости», «вкуса» — все это грани одного архетипа) в пользу чуждого вероучения, а пираты отказались бы от разбоя на чужих территориях; «датские деньги» собирали бы со своего населения под любыми предлогами, в том числе религиозными. С принятием христианства сложившееся квазигосударство Русь обрело четкие контуры государства. При этом четкие контуры потеряло все остальное: феодалы были не совсем феодалами, народная «правда» не совсем правдой, славяне не совсем славянами, религия не совсем религией. Неизменным на века осталось одно: из территории «русской земли» выкачиваются «датские деньги», которые в территорию и население не вкладываются, а «пускаются на ветер» по давним пиратским устоям. Пираты не могут не пить и не пускаться в загул, спуская все деньги — этой стойкой традиции тысячи лет, и она не так проста, как кажется. Князь Владимир не капризы выставлял фразой «без вина не можем быти», а указывал на канон пиратского образа жизни.

Русь не превратилась в восточную деспотию, но не стала и западной демократией. Аналогичная история в свое время произошла в Древней Спарте. Древняя Спарта — это одно из самых чуждаковых государств в истории Европы. Оно не является сословным, кастовым, классовым; в нем не шли процессы дифференциации единого общества «по стратам» — оно изначально двомирно. В спартанском государстве древний архетип рыцарства вдруг вышел на первое место; такое впечатление, что государство создано юнцами за один подход. Пришли молодой дружиной или «спецназом», стали лагерем, бескомпромиссно указали местному населению его место и стали жить обычной армейской жизнью: с казармами, столовыми, солдатским юмором, равенством в боевой подготовке мужчин и женщин. Спартанцы ревностно относились к своему досугу: это музыка, танцы, эпос, мифология. Именно в Спарте, по мнению Плутарха, стали собирать олимпийскую мифологию и «гомеровский эпос». Капитализированные эллины за пределами Спарты долгое время вообще чуждались досуговой культуры, пока не позаимствовали из соседней Фракии дионисизм и не переняли традиции Спарты. Без Спарты Ликурга не было бы Афин Перикла. Религией Спарты был героический эпос с рыцарским этосом в центре внимания, а война была не более чем культовым времяпровождением. Спартиатам было все равно, с кем воевать, лишь бы воевать — ради самопознания. Реальным противником были не люди, а те страсти, которые противились рыцарскому этосу в самих спартиатах: трусость, жадность, подлость, лживость, жажда славы чужими руками или за чужой спиной. В культе войны воевали-то с пороками собственной души — и побеждали их. Странные были времена почти три тысячи лет назад. Разговоров о душе было мало, а дел много. Историки умудрились назвать спартанскую государственность «военной демократией», а илотов «рабами». Но властью, «кратией», был не демос, а этос — рыцарский кодекс чести в чистом виде. «Государственные рабы», как говорят об илотах, это и совсем пустой термин. Да, илоты жили под оккупацией, под «железным занавесом», были зависимым населением, но они не были рабами и даже крепостными не были. Сложилось два мира: илоты жили экономикой и платили налоги, спартиаты жили военной дружиной за счет налогов, — и эти миры старались лишний раз не пересекаться.

Древняя Русь сложилась тоже как двоемирие, только славяне не были «илотами», а пираты «спартиатами». Кодекс рыцарской чести оказался в обратном порядке: славянство знало «правду», пиратство знать ее не желало. Два мира оказались на одной территории. Посредническую роль должен был сыграть какой-то социальный институт типа школы, армии. Реально таким институтом стали не школа или армия, а церковь — изобретение Древнего Востока. Смысл князь-владимирского «крещения Руси» не в религии, а в воцерковлении: поэтому религия могла быть любой; пиратскому лукавству Владимира более подошло византийское христианство. Византийская церковь во главе с императором разрывала все этноландшафтные отношения, на которых держится народная религия, а храмовое монументальное строительство в гигантских размерах создавало зримый образ единого государства. На Руси каменные многоярусные храмовые сооружения, совершенно чуждые лесному славянству, позволяли решать многие проблемы двоемирного государства: экономические, идеологические, военные. Русское государство без появления церкви как сильного хозяйствующего субъекта существовать в качестве именно государства в принципе не могло — как капитализм без банков. Церковь с ее монументальным храмовым строительством служила посредником между славянством и княжеским пиратством, прикрывая собой пиратскую сущность «князей» и паразитируя на славянской духовности. Поэтому насильное «крещение Руси» наглым пиратским князем действительно явилось аккредитацией социального института под названием «государство». При этом за тысячелетнее существование Руси христианство было не столько собственно религией, сколько книжным вероучением с нарядным культом под эгидой социального института церкви со всей мощью репрессивного аппарата. Избегая репрессий со стороны церкви, русские христиане молча видоизменили семиотику книжного вероучения, наделяя библейские персонажи значением духов-заступников, возвращаясь тем самым к системе симпатических и синергийных отношений этноса и ландшафта под библейскими именами.

После крещения Русь представляла собой региональное государственное образование, будущее которого во многом зависело от того, насколько последовательной будет авторитарная церковь в своей политике христианизации населения. В случае крепкой церковной власти Русь превращалась в обычную деспотию восточного типа с военно-теократической формой правления. В случае неудачи церковного строительства альтернативой служило возвращение Руси в орбиту скандинавского пиратства на правах крепкого тыла. Обе стратегии развития Руси устраивали Ярослава Мудрого и поддерживались им. Выдавая дочерей за монархов феодальной Европы, Ярослав был особенно заинтересован в том, чтобы выдать одну из них за своего земляка-скандинава, который был бы перспективным лидером датско-норвежского пиратства. Таким оказался Харальд Сигурдарсон, имевший не только сильные позиции во всей Скандинавии, но и опыт пиратства в Сицилии и службы наемником в Византии. Несмотря на сопротивление Елизаветы, брак состоялся. Правда, «королева Норвегии» в браке едва дожила до тридцати лет. Судя по прозвищу Хардрод — Жестокий, норвежский зять Ярослава Мудрого отличался отменной кровожадностью, которую планировал конвертировать в амбициозные планы. Действительно, объединив в общую флотилию более трехсот пиратских судов Норвегии, Харальд Сигурдарсон по прозвищу Хардрод двинул армаду на захват Англии, однако при высадке на берег погиб 25 сентября 1066 года. Через три недели Англия была атакована пиратской флотилией с другой стороны — «французской». Завоевание прошло успешно, и победитель получил к имени Вильгельм приставку Завоеватель. Новый повелитель Англии первым делом, расправляясь с северными конкурентами, добил скандинавское пиратство, а затем взял курс на феодализм по образцу Центральной и Южной Европы, редактируя феодальные отношения местного населения. Возникли поучения нового воинства: «Остерегайся грабежа и воров-

ства, прелюбодеяния и блудодейния, куртизанок и азартных игр, словоблудия и дерзости, самонадеянности и зависти к деньгам... приглашений на утренние и ночные попойки... остерегайся судить другого за его спиной и льстить в глаза, чтобы обмануть; остерегайся праздности... а так же сквернословия всякого рода» [8, с. 146—147]. Англия не хотела быть пиратской, стремясь к здоровому феодализму Южной и Центральной Европы.

Что касается Руси, то, лишившись своих побратимов в лице норвежских претендентов на завоевание Англии, она осталась на периферии датско-скандинавского пиратства, которое по историческим меркам перестало существовать. Соответственно, Русь выпала из общеевропейской истории¹.

Вопрос о возврате к рыцарской, антипиратской этике в русском княжеском окружении даже не стоял. Негодяи типа князя Владимира, насилующего женщин, включая беременных, убивавшего друзей из корысти и забывавшего расплатиться с наемной дружиной, стали вечным проклятием России. Триста лет народ помнил злодеяния Владимира, пока не появились русские сказки про киевского князя Красное Солнышко с тремя богатырями, которые официальная историография соотнесла с началом российского государства. Н. М. Карамзину пришлось немало бороться с духом, чтобы написать: «Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир... счастливым для народа правлением загладил свою вину...» [7, с. 114]. По поводу «крещения Руси» Н. М. Карамзин не забывает добавить, что только Богу известно, что двигало князем: вера или честолюбие. Скорее всего, что ни то, ни другое, если следовать логике событий. Когда князь Владимир вводил культ Перуна, это было реформированием *религии*. Когда же он «крестил Русь», то это было событием совсем иного порядка: князю нужна была не религия, а *церковь* — мощная организация со строгой дисциплиной и социальным влиянием; форма религии первоначально вообще не имела значения.

Пиратство, романтичный образ которого создан литературой, это мощный архетип цивилизации, который повреждает дух любого народа своей наглостью. В пиратстве есть боевой дух, но без рыцарства. Пиратство может быть государственным, как, например, каперство. Пиратство может создавать квазигосударства. Пиратство может быть успешным. Но пиратство не способно создавать искусство, право, мораль, систему сложных экономических отношений. При этом пиратство способно развивать науку и технику, причем в ускоренном режиме. После Вильгельма Завоевателя в Британии сложился «англосаксонский дух», в котором навечно впечатано присутствие пиратского духа, несмотря на все предпринятые усилия. Но в Европе сохранилась и ненависть к пиратству как нечестному пути, который должен оставаться вне закона. Глубинная культура Европы на века оказалась расколотой не столько по экономическим или национальным признакам, сколько по отношению к пиратскому архетипу цивилизации: быть ему или не быть в европейской культуре. Противодействие пиратству не только укрепило феодализм, но во многом способствовало его становлению. На Руси доминанта скандинавского пиратства всегда препятствовала европейскому феодализму, удерживая русское государство в тисках восточной деспотии, причем благодаря искусственной заботе об авторитете церкви.

Западноевропейская цивилизация развивалась под непрерывным натиском кровожадного пиратства. Пираты становились не только кардиналами, но и папами римскими (Иоанн XXIII). Тем не менее Европа сопротивлялась пиратству и во времена феодализма, и во времена капитализма. Фактически возникло два типа капитализма: по типу античных Афин и по типу Англии времен «первоначального накопления капи-

¹ Но намерения такие были. Первые Рюриковичи отказались от своих скандинавских имен для собственных детей, но также не приняли имен восточных славян. Имена Ярослав, Ярополк, Болеслав, Изяслав, Мирослав — чешско-польские.

тала». Так, капитализм афинского полиса или южноевропейских коммун-республик опирался на тип дома, который представляет собой и жилье, и фабрику с семейным предпринимательством. Капитализм, возникший в Англии, имел совершенно другой характер: крупное производство вдали от своего жилья, рабочий класс с бесконечным рабочим днем, согнанные с земель и повешенные потом крестьяне, «эпоха первоначального накопления капитала» с морским разбоем по всему миру, погоня за техническими изобретениями ради прибыли.

В цивилизации «западной демократии», по сути дела, было два разных феодализма и два разных капитализма. Да, это одна цивилизация, но пораженная вирусом пиратства до основания и постоянно попадающая в «кризисы». Пиратство обязано своим существованием «богатству», оно решает экономические проблемы силой оружия без всяких правил. Цивилизация Западной Европы знает меру, знает честь, но пиратство не знает ни меры, ни чести, подтачивая основы «западной демократии». Удивительное дело, но ученые-историки пиратству не уделяют должного внимания, отождествляя его с варварством или уголовщиной, порой начисто забывая даже о каперстве.

Россия с Рюриковичей застряла в пиратском архетипе, не имея при этом поддержки в славянстве. Рюриковичи в течение нескольких столетий не были собственно феодалами в полном смысле этого слова. Для феодала важно вступить в договорные отношения с населением феода; для Рюриковичей территория с податным населением была просто одной вещью — «княжением». В княжении есть земли, воды, небеса, леса, рыбы, птицы, звери, славяне, инородцы, но эта все одна вещь — «княжение», объект стяжания всех княжеских отпрысков. При доминировании пиратского духа феодалу не приходит в голову заключать договора с рыбами, птицами, зверями и, соответственно, с населением. Славяне для Рюриковичей изначально представляли собой часть ландшафта вместе со всем зверьем. Пиратство «негуманитарно», но ничего удивительного в этом нет. Пиратская доминанта в экономике страны не требует ни рабства, ни феодализма, ни капитализма, она требует одного: выкачивания денег из страны при любом типе хозяйствования.

Термин «выкачивание» представляется метафорой, между тем он понятийно точен: его нельзя заменить словечком «налоги». Экономичность налогов основана на договорных взаимовыгодных отношениях, в противном случае следует говорить о «дани», «уроке», «кормлении». «Датские деньги», которыми Европа откупалась от пиратства, не были «налогом», были «мздой». Историк-медиевист А. Я. Гуревич, уделяя пиратству внимание в отличие от многих из своих коллег, тоже использует термин «выкачивание» по отношению к «датским деньгам» в Западной Европе [4, с. 123]. Русское государство возникло не вокруг военной дружины, не вокруг поселения, а вокруг денег — «датских денег», выкачиваемых с территории без различия этнического состава населения и состояния экономики. Для Российского государства совершенно все равно, каков этнический состав страны, какова титульная нация, каковы принципы территориального деления и наличие или отсутствие самоуправления. По большому счету, все равно; не все равно только одно: чтобы у власти и церкви были деньги. Часть денег идет «на оборону», часть превращается в «сокровища», часть «идет на ветер»: пьянки-гулянки-похвальбу — обязательный архетип пиратской культуры.

«Умом Россию не понять» — с точки зрения нормальной экономики, нормальной морали, нормального права, нормального обывателя. И действительно, выкачивание «датских денег» из своей территории и своего населения нельзя признать ни умным, ни нормальным. Революционеры XIX века думали, что виноваты в бедах России помещики и попы, царь и крепостное право. Порубали-расстреляли всех; экономика сильнее не стала; вся сила страны сказала только в войне. «Русскую идею» искали полтора века, так и не нашли. Потому что искали ее в качестве государственной, а русское государство сложилось вокруг «датских денег», а не вокруг «русского мира».

Есть ли вообще «русская идея», а если есть, что в ней русского? По крайней мере, в русском государстве русского нет ничего и никогда не было. Не случайно опытный дипломат Ф. И. Тютчев писал на смерть Николая Первого: «Не Богу ты служил и не России... Все было ложь в тебе и призраки пустые». В русском народе «русское» проявляется лучше всего во время войны. Без войны русское население теряет свой национальный характер, который вдруг распадается на все национальные характеры сразу со всеми их недостатками: это и азиатская хитрость, и еврейское «умение жить», и армянское торгашество, и немецкая сверхаккуратность, и славянская беспечность, и чеченская воинственность. Многочисленные «Леди Макбет Мценского уезда» начинают тянуться к браздам правления по всем регионам России и к центральной власти, а русское мужское население уходит в тень жизни — до поры до времени.

Между тем «русская идея» мужская, исключительно мужская. Она русская не по типу этноса, а по типу духа, которому изначально последовал тот этнос, который стал «русским». Русская идея в том, что признается наличие абсолютных норм человеческой жизни, в основе которых этический комплекс рыцарской чести. «Рыцарство остается вечным заданием человеческого духа, переживающим ветхие одежды рыцарства средневекового», — писал Н. А. Бердяев в своей знаменитой работе «Смысл творчества» [2, с. 472]. Рыцарство в духе, и его присутствие не зависит от национальности, статуса, возраста, половой принадлежности. Рыцарство общечеловечно; более того: в человечности, собственно, нет ничего, кроме духа рыцарства. Центром духовности является всеобщая максима: честь дороже жизни, которой определяется достоинство человека перед бессмертным множеством трансцендентальных «богов». В человеческой истории есть метафизический элемент, известный даже в религии, но который ученые-историки научились не замечать.

Рыцарство избыточно для жизни, иногда вредно, иногда смертельно. В этом и состоит норма человечности. Она не в продлении жизни, тем более любой ценой, а в том, чтобы не уронить себя в глазах рыцарства при любых обстоятельствах: торговых сделках, брачных отношениях, боевых действиях, карьерном росте. Россия пошла за Христом, когда в святых увидела рыцарство, и не пошла за Христом, когда в попах обнаружилось стяжательство. Россия пошла за Петром, когда в Петре проснулся дух рыцарства, и презрела последнего монарха из дома Романовых за отсутствие рыцарского духа. Россия поверила в коммунизм, узрев в революционерах рыцарское начало, и разуверилась в социализме, как только в коммунистах засверкал дух наживы.

В вопросе Ф. М. Достоевского: «А есть ли «русская идея»?» — может быть смысл, но только далекий от собственных размышлений писателя. Православие тут ни при чем, равно как и империя. Русская идея может быть в том, чтобы поверить в человечность рыцарского духа, воспитать в нем население независимо от этнической принадлежности и привести государство в соответствие воспитанному в рыцарской культуре народу. Петр Первый не окно в Европу стремился прорубить, а ввести русское общество в дух рыцарства — хоть варварского, хоть галантного, — после чего Европа сама открыла бы окно в Россию для обоюдной пользы. И начал он не только с закладки новой столицы, но и с воспитания молодежи в рыцарском духе, для чего соратники подготовили руководство «Юности честное зеркало», изданное в собственной петербургской типографии «лета Господня 1717 года, февраля 4 дня».

Система воспитания, ориентированная на культуру рыцарства, была простой и эффективной. Интеллектуальная часть ориентирована на обучение наукам и иностранным языкам. Физическая составляющая системы воспитания опирается на конный спорт и фехтование. Социальная подготовка включала в себя танцы, поэзию и умение вести беседу в любом обществе. Психологическая подготовка сводилась к поддержанию осанки и приветливости: «Никто не имеет права повесить голову и потупя глаза вниз

по улице ходить, или на людей косо взглядывать, но прямо и не согнувшись ступать, и голову держать прямо, а на людей глядеть весело» [11]. Особо оговаривалось отсутствие наглости: «Кротко ступание, кротко седание, кроток взор, кротко слово тебе да будет» [11]. Архитектура Санкт-Петербурга адаптировалась под эти же требования, собственно, требования русского духа. Как отмечал И. Э. Грабарь, иноземные архитекторы становились «русскими в полном смысле слова, русскими по складу, по духу и чувству» [3, с. 43]. Да и «сам Петр по всему своему складу, по приемам, по вкусу, привычкам, по самым своим достоинствам и недостаткам своим был русским до мозга костей, русским, может быть, более всех своих явных и тайных врагов, проклинавших его антихристовы нововведения» [3, с. 51]. Город святого Петра строился под русский архетип галантного рыцарства, подбирая те архитектурные формы европейских городов, которые ему соответствовали. Если бы Россия была, к примеру, мусульманской страной, архитектурные формы стали бы другими, но точно так же с избранничеством в сторону галантного рыцарства. И новый Самарканд на берегах Невы был бы таким же русским городом с таким же русским Пушкиным. Что изменилось бы в русском Пушкине, если бы его вторым родным языком был не французский язык, а арабский или персидский? Запад и Восток неразрывны. Средневековая Европа вбирала в себя античность переводами с арабского на латынь. Вся экипировка древнерусского конного воина была родом из Персии: кольчуга, латы, дамаская сталь, арабский скакун, лук со стрелами, остроконечный шлем. От себя замечу: фамилия моей красивой сибирской бабушки Настасьи Васильевны Шехеревой звучит непонятно для русского слуха, потому что образована от персидского слова «шехирь» — сладость².

«Русская идея» есть, но упрятана глубоко в недра поврежденной цивилизации. Смысл ее в том, что цивилизация существует не ради экономики, не ради науки или искусства, не ради комфорта или продления жизни, а ради того, чтобы человек осознал и реализовал одну идею: честь дороже жизни во все времена и во всех отношениях и сферах деятельности. Все, чем занят человек, есть всего лишь средство проверить себя «на честность». Смешно? Наивно? Глупо? Но так по-русски. Есть честность в бою, есть в искусстве и науке, есть в религии, есть в карьере, есть в бизнесе. Отсутствие честности при достижении цели есть суть пиратства, наглость. Наглость разрушает цивилизацию, а без рыцарства наглость ненаказуема: в этом все дело. Надо не «раба из себя выдавливать» по совету русской литературы, а воспитывать ненависть к наглости, где бы она не вила себе гнездо: в государстве, в профессии, в экономике, в семье, в самом себе. Наглость должна вызывать гнев. «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса!» — любили в Древней Спарте Гомера и приучили любить всех эллинов.

Литература

1. Арбман Х. Викинги. СПб.: Евразия, 2006.
2. Бердяев А. Н. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
3. Грабарь И. Э. О русской архитектуре. М.: Наука, 1969.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПбГУ, 2007.
5. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Рассказы. М., 1993.
6. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
7. Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1987.
8. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.
9. Лихачев Д. С. Раздумья о России. 2-е изд. СПб., 2004.
10. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1989.
11. Юности честное зерцало: репр. изд. М.: Планета, 1990.

² Род Шехиревых древний, известен с XII века. У царя Алексея Михайловича был певчий Васька Шехирев.